

Айрин
МЭЛ

P.T.

ЗАВЕЩАНИЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Завещание

Айрин Мэл

Завещание

«Автор»

2021

Мэл А.

Завещание / А. Мэл — «Автор», 2021 — (Завещание)

ISBN 978-5-532-99015-9

Это была роковая для него встреча. Столкнувшись с ней однажды, он утонул в глазах цвета предгрозового неба. Он стал для нее лучшим другом. Но все изменил один поцелуй... И простая дружба переросла в серьезные отношения. Она была с ним счастлива, как ни с кем и никогда до него. Или после... Но так и не смогла его полюбить, как ни старалась. А потом все закончилось в один миг... Он не забывал о ней ни на день. Она забыла о нем уже очень давно. Но всего один звонок от его поверенного заставил ее вспомнить все. А поверенные ведь звонят лишь в одном случае... И почему ей? Все это выяснится на оглашении завещания. Его завещания... Содержит нецензурную брань! Строго 18+ В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой!

ISBN 978-5-532-99015-9

© Мэл А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	30
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Айрин Мэл

Завещание

*Эта история о тебе...
От первой и до последней буквы...*

Пролог

Я забыла о нем уже очень давно. Прошло больше десяти лет с нашей последней встречи. И встреча эта была не из приятных. Я кричала ему в лицо проклятия и слова ненависти. Он отвечал мне взаимностью. Предательство – это так больно. Особенно тогда, когда это делает настолько близкий человек, настолько свой, в котором ты уверен больше, чем в себе самом. А его поступок я расценила именно как предательство. Нет, он мне не изменил. Даже не так! Было бы гораздо лучше, если бы он мне изменил. Измена – это лишь слабость плоти. Непреодолимая потребность в совокуплении. Измена – это сомнение в сделанном выборе. Сомнение, что человек, с которым ты решил быть, именно тот, кто тебе нужен. Он не сомневался в своем выборе. Он поступил хуже. Я была так зла на него, когда раскрылась вся правда. Так зла!

Мое поведение в тот день больше напоминало крайнюю степень истерики. Я была совершенно не похожа на рассудительного и уравновешенного человека, которым считала себя в повседневной жизни. Казалось, что в меня кто-то вселился и рвал меня изнутри на куски. Как же больно! Как больно! Я подарила ему два года своей жизни. В ответ на это он обманул меня... Обманул так низко и так подло, что даже сейчас вспоминать об этом больно. А тогда я кричала на него, срывая связки; била его по лицу до тех пор, пока ладони не утратили чувствительность.

А он терпел. И молчал. Но только до того момента, пока я не разбила его в кровь. Вот тогда-то слова полились из него рекой. Он кричал так же отчаянно, как и я. Хватал меня и тряс за плечи. Но я не слушала его. Мне не нужны были его слова. Отныне все они слышались мне сплошной ложью. Я не пыталась вникнуть в их смысл. Я пыталась его перекричать. В тот день он для меня умер.

Но как бы странно ни звучало после всего вышесказанного, он был единственным, кто любил меня по-настоящему. Отчаянно. Упрямо. До самого конца.

Глава 1

Марго

Этот звонок раздался в пятницу в три часа дня.

Я сидела в своем кабинете и была поглощена работой. Сегодня первый день, когда я появилась в офисе после отпуска. Дела встретили меня в сущем беспорядке. Мой заместитель умудрился сломать ногу, и мои коллеги не придумали ничего лучше, как свалить все мои дела на студентку-практикантку. В свое оправдание они выдвинули, по их мнению, весьма значимый аргумент: практикантка заверила их, что идет на красный диплом и справится без каких-либо проблем. Вот она и получила все мои дела в полном объеме. И справилась. Как учили в учебниках. Все так удачно сложилось, когда бы ей еще удалось поработать над делами начальника юридического отдела налоговой инспекции? В ближайшие несколько лет после окончания института – точно нет! Она была так горда собой, когда вручала мне папки с делами. Настолько лучилась довольством, что я подумала: «А вдруг действительно справилась?»

Но надеждам моим не суждено было оправдаться. Да и студентку ругать, по сути, было не из-за чего. Девчонка действительно была смышленной. Но с такими делами, какие подготовила она, в суд не пойдешь, если, конечно, не стремишься к проигрышу. Я проигрывать не любила. И не проигрывала. Поэтому посадила ее рядом с собой. Произнесла традиционную торжественную речь для всех, кто приходит на работу после вузов, о том, чтобы она забыла все, чему ее там научили, и приступила к профессиональному юридическому мастер-классу. В процессе указывая на ее ошибки, делая быстрые исправления и готовя новые документы.

Как-то так умудрились сложиться звезды, что она пришла на практику именно тогда, когда я ушла в отпуск. Мой зам не потрудился обратить внимание своей возвышенной особы на такую мелочь, как практикантка, а всем остальным сотрудникам, как, собственно, и начальству, не было до нее никакого дела. Но когда зам вдруг решил резко сломать себе ногу, о практикантке все вдруг резко вспомнили. У каждого юриста в нашем отделе была своя куча дел. И добавлять в свою кучу еще и начальственную никто не собирался. Вот тогда-то и понадобилась безотказная практикантка, которая приняла на себя начальственную кучу с сияющими глазами. И вот теперь эту самую кучу мне приходилось разгребать.

К обеду голова уже нещадно болела, но я утомонила ее таблеткой. А к трем часам мозг из-за объемов информации хотел назад в отпуск, чего позволить ему я категорически не могла. Но небольшой передышки он все же заслужил. Студентку я отправила в ближайшее кафе за нормальным кофе, а сама откинулась в кресле и прикрыла глаза, вспоминая картинки прошедших двух недель.

Я всегда любила именно в это время брать отпуск. Отщипнув несколько дней от конца августа и прибавив к ним несколько дней от начала сентября, можно получить идеальное время для отдыха. И для этого идеального времени на земле существует лишь одно идеальное место – Барселона! Если бы у меня спросили, в какой город готова переехать из Москвы, – а ее я бесконечно люблю, – я бы не задумываясь ответила: «В Барселону!»

Это мое место. И туда я люблю приезжать одна.

Я обожаю этот город. Архитектуру непревзойдённого гения Антонио Гауди, который начал свою карьеру с обыкновенного уличного фонаря, а завершил Школой Саграда Фамилия. Она была спроектирована для детей строителей, что трудились над созданием знаменитого на весь мир и входящего в список Всемирного наследия ЮНЕСКО Искупительного Храма Святого Семейства. Строительство его продолжается и по сей день из-за того, что ведется исключительно на пожертвования прихожан. Работы затянулись почти на полтора века, сорок лет из которых были годами жизни самого Гауди.

Заходя в этот храм, ты имеешь возможность прикоснуться к великому, нырнуть в глубины истории. Неоготический стиль, в который в свое время без памяти влюбился великий творец, придает, пусть и незавершенной, постройке неоспоримое величие на фоне современных строений. Но прикоснуться к великим творениям Гауди можно почти по всей Барселоне. Да что там Барселона, почти во всей Каталонии. Но почему-то именно Барселона покорила мое сердце. Ее старый город. Небольшие уличные кафе. И улыбки на лицах людей. Да, огромное количество улыбок.

Я часто сбегала в этот город. Но на этот раз для побега у меня была настоящая причина. А все из-за него! Как же можно быть таким непонятливым? Я даже мысли не допускала, что он до такого додумается. Если бы знала, никогда бы не позволила купить мне те злосчастные туфли.

В этот самый момент и раздался телефонный звонок.

Номер, отобразившийся на экране, был мне не знаком. Я редко поднимаю трубку, если номер звонящего не занесен в список моих контактов. Но на этот звонок я почему-то ответила сразу:

– Да? – спокойно произнесла я.

– Маргарита Витальевна Милославская? – спросил меня строгий мужской голос.

– Я слушаю, – ответила я так же строго.

– Нам с вами необходимо встретиться.

– С какой целью? С кем я говорю? – спросила я, напустив в голос как можно больше официоза.

– О, прошу вас простить мне мою бестактность, я не представился. Меня зовут Роман Дмитриевич Боголюбов. Я личный адвокат и поверенный господина Тагаева. Вам ведь знакома эта фамилия?

Я выронила трубку из рук. Руслан! Личный адвокат звонит лишь в одном случае...

– Маргарита Витальевна? – раздался голос Романа Дмитриевича откуда-то снизу.

Спустя минуту я опомнилась и нырнула под стол за телефоном.

– Да, да, я слушаю, – сказала я, вновь поднеся трубку к уху. – Назовите мне, пожалуйста, причину нашей встречи, – дрожащим голосом попросила я, заранее зная ответ.

– Для оглашения завещания Руслана Дамиановича.

Сердце упало в ту же минуту. Руслан...

Я вновь откинулась в кресле и прикрыла глаза. Под веками тут же начала скапливаться влага. Но я не могла себе позволить разрыдаться в трубку перед незнакомым человеком. Да и с чего вдруг такая реакция? Я ничего не знала о его судьбе с самого института. С того злополучного дня я больше его не видела и не представляла, как сложилась его жизнь. А теперь вот поверенный...

Меня било мелкой дрожью, а горло сдавливал спазм. Перед опущенными веками вдруг ярко и отчетливо вспыхнул образ мужчины. Совсем молодого мужчины. Он возник передо мной таким, каким я видела его в последний раз, десять лет назад. Лишь с тем отличием, что лицо его не было искажено гримасой злости, боли и отчаяния. Его выражение было умиротворенным, а на губах играла улыбка. Такая добрая и по-мальчишески задорная. Какой она бывала в минуты его счастья. В минуты, когда мы были одни. В мгновения, когда я принадлежала ему.

– Когда? – хрипло выговорила я, выдавливая звуки из горла сквозь спазм.

– Я жду вас завтра во второй половине дня. В два часа вам будет удобно? – вежливо предлагает адвокат, не поняв смысла моего вопроса.

– Когда это произошло? – уточнила я.

– Завтра будет пятнадцатый день. Поэтому, согласно статье 1126 Гражданского кодекса РФ, завтра состоится оглашение завещания Руслана Дамиановича, на котором вы непременно должны присутствовать.

От каждого слова Романа Дмитриевича все сжималось внутри. Этого просто не могло быть. Я не знала второго такого человека, который бы так любил жизнь, любил жить; жить так, чтобы завидовали все. Ярко! Неповторимо! Каждый день, как приключение. Каждый час, как испытание. Каждая минута на лезвии ножа. Он не мог умереть! Просто не мог! Это какая-то очередная злая шутка этого гения розыгрыша.

– Запишите адрес? – перебил мои мысли Роман Дмитриевич.

Я нащупала вялой рукой рядом блокнот с ручкой и записала.

Завтра я приеду, а там будет очередной сюрприз от Руслана и этот кошмар закончится. Мы вдвоем весело посмеемся над его шуткой, над тем, как он в очередной раз искусно развел меня, и, возможно, даже помирился...

– Я приеду, – сказала я, и моя рука вместе с телефоном безвольно упала на колени.

* * *

В груди так гулко ухало сердце. Мне казалось, что его биение отдается во всех уголках моего тела. Я чувствовала его в кончиках пальцев рук и ног. Чувствовала, как пульсирует в горле ком, который никак не желал рассасываться.

А я ведь до сих пор не забыла его. Все эти десять лет он был жив в моей памяти. Жив! Какой удачный эпитет. А «был жив» – еще удачнее. Да, я не жила затворницей после расставания с ним. У меня были мужчины. Были яркие романы. Я, кажется, даже влюблялась пару раз. Но такого мужчину, как Руслан, мне больше встретить не удалось. Не удалось встретить... Не удалось полюбить. И вот, мне уже тридцать три, а я до сих пор не замужем. Хотя тут надо уточнить: я не замужем за мужчиной, хотя я точно замужем за своей работой. Вы скажете, что начальник юридического отдела налоговой инспекции – это не бог весть какая должность, но меня, если честно, все устраивает.

И вот сегодня в мою отлаженную размеренную жизнь ворвался этот звонок. Ворвался и поднял все с ног на голову. И вот я сижу в своем кресле, за своим столом, в своем кабинете, и у меня нет сил даже руку поднять. Сердце постепенно перестало биться во всех конечностях моего тела, но зато начало вырываться из груди – мне кажется, это паническая атака и одновременно какой-то паралич. Интересно, а случается паралич при панической атаке или паническая атака при параличе?

Но как следует подумать над этой теорией мне не удастся, поскольку возвращается практикантка с моим кофе, а я уже и забыла о ее существовании. Забыла о стопках неразобранных дел на моем столе, о куче раскрытых документов на мониторе компьютера, о подставе коллег и своего зама с этой практиканткой, имени которой я так и не запомнила, да оно и не важно. Все почему-то в эту минуту стало не важно. Ни работа, ни моя жизнь. Даже если бы мне сейчас сказали, что в сторону Земли летит огромный метеорит, я бы пропустила эту информацию мимо ушей. Все это вдруг стало таким незначительным и пустым. Если его действительно больше нет...

Десять лет... А мне кажется, что мы расстались только вчера. Потому что не бывает так больно от потери человека, которого не было в твоей жизни десять лет. Не бывает!

Видимо, многолетняя юридическая практика меня подвела и что-то такое отразилось на моем лице, поскольку практикантка замерла в дверях моего кабинета со стаканчиком кофе в руках. Я повернула голову, и, подчиняясь закону притяжения Земли, капли влаги вылились наружу. На глазах у двадцатилетней девчонки. Какой позор. Я же должна показать ей пример стойкости и негибкости в своем лице. Но сейчас от моих профессиональных навыков железной леди юриспруденции не осталось и пыли. Я была разбита.

– Маргарита Витальевна, я вам тут кофе принесла. Все, как вы просили, – робко промямлила студентка, переминаясь с ноги на ногу, все еще стоя на пороге моего кабинета и не решаясь зайти.

– Спасибо тебе, – голос мой осип, и конец фразы я произнесла уже почти неслышно.

– Света.

– Что? – не поняла я.

– Меня зовут Света. Света Кузнецова. Я давно поняла, что вы не запомнили, как меня зовут.

И в этот момент мне вдруг стало так стыдно. Стыдно перед этой девочкой. Стыдно перед самой собой. За эти слезы, за свою слабость.

Я положила телефон на стол и поднялась с кресла. Шевеления моего тела практикантка, видимо, расценила как дозволение войти в кабинет и сделала смелый шаг к моему столу, закрывая за собой дверь. Пока она подходила и ставила передо мной стакан с кофе, я рылась в сумочке, пытаюсь найти в ней платок или салфетку, но, как назло, ничего, даже отдаленно напоминающего эти предметы, мне под руку не попадалось. Меня начало захлестывать отчаяние. И тут я подняла глаза на студентку. Она протягивала мне пачку бумажных платков. На несколько мгновений я замерла, а потом почувствовала, как отчаянно задрожала моя нижняя губа, а изображение перед глазами размылось из-за переполняющих их слез. В этот момент я поняла, что мне их не удержать. И бог с ним, с образом «железной леди», я тоже живая, и мне тоже бывает больно.

Не говоря ни слова, практикантка просто шагнула ко мне и, сунув в руки пачку платков, обняла со словами:

– Иногда нам всем это надо. Даже самым сильным.

И я разрыдалась.

Рыдала я так, как никогда. Так горько, как никогда не умела. Видимо, повода никогда не было. А вот сейчас...

Сейчас с этими слезами открывались старые раны и кровоточили так же отчаянно. А Света просто обнимала меня и гладила по спине, ничего не говоря.

Не знаю, сколько времени прошло, но мне все же удалось успокоиться. Правда, платье Светы было безнадежно испорчено соленым водопадом из моих глаз.

– Я куплю тебе новое платье, – заикаясь и дыша через раз, говорю я Свете, опускаясь на свое место.

– Да ладно, пустяки, – отмахивается она. – Вы лучше научите меня разным юридическим фишкам. Ну, тем, что не по учебнику, – робко улыбается она, а в глазах горят такие огонь и решимость, что я невольно вспоминаю себя.

Себя десять лет назад. Я так же горела энтузиазмом. И никто был не в состоянии заставить меня свернуть с намеченного пути.

Я хлопаю по сиденью стула рядом с моим креслом, где она сидела перед тем, как отправиться за кофе. И она с радостью воспринимает мой жест как согласие поделиться профессиональными секретами.

– В рамках твоей практики всего рассказать и всему тебя научить не смогу, времени не хватит. А вот если ты устроишься к нам после практики. Ну, например, делопроизводителем на полставки. Я, так и быть, возьмусь тебя учить.

– А так можно было? – девочка удивляется так искренне, что я понимаю, тяжело ей придется.

Чтобы быть хорошим юристом, адвокатом ли, следователем ли, нотариусом ли, неважно, хладнокровие и умение держать лицо – это самое главное в нашей профессии.

А Света... Маленькая, худенькая, в смешных очках. В этом ее сереньком невзрачном платье, со смешным хвостиком блеклых волос. Нет, у нее нет шансов стать акулой. Если только...

Если только она не послушается моего совета и действительно не устроится в нашу инспекцию на полставки делопроизводителем, а в отделе кадров, так и быть, я словечко за нее замолвлю. Нравится она мне.

Обо всем этом я и сообщаю Свете. Она радуется, как ребенок, и говорит, что после того, как через две недели закончится ее практика, тут же устроится к нам на работу. В ответ я отправляю ее в отдел кадров обо всем договориться, куда она бежит почти вприпрыжку.

Как только за ней закрывается дверь, я звоню по внутреннему номеру начальнику отдела кадров и прошу помочь Свете. И когда получаю положительный ответ, кладу трубку.

И только сейчас понимаю, что благодаря этой маленькой хрупкой невзрачной девочке, которая еще совсем не «акула» и которую я собираюсь учить стойкости и, как она выразилась, юридическим фишкам, что нет в учебниках, я совсем забыла о своем собственном горе.

Глава 2

Роман

Я положил телефон на стол и откинулся в кресле.

Маргарита Витальевна Милославская. Очень хотелось увидеть женщину, из-за которой сходил с ума мой клиент и близкий друг Руслан. Сколько помню, на протяжении всего нашего с ним общения он все делал с оглядкой на нее. А как бы поступила Марго? А что бы сказала Марго? Нет, Марго этого бы не одобрила. Или... Марго была бы в восторге.

По рассказам Руслана, она была совершенно невероятная. Какая-то неземная. Временами я смеялся над его отношением к женщине, которая уже многие годы не хотела его видеть, а он же все только и делал для нее. Но конечно, ему я об этом не говорил. Его маниакальная одержимость этой женщиной походила на болезнь. Жесткий в бизнесе, неуправляемый в своих стремлениях, не останавливающийся ни перед какими преградами, Руслан проявлял крайнюю степень раболепия перед этой самой Марго. Его день начинался с того, что он выслушивал устный отчет своих людей о том, что за прошедшие сутки произошло в жизни Маргариты Витальевны. Лишь однажды я позволил себе высказаться по этому поводу, когда стал свидетелем отчета, что это слишком. Он ничего не сказал в ответ. Только посмотрел на меня так, будто в этот самый момент разрезал меня на мелкие кусочки. Столько гнева было в этом взгляде и столько неподдельной боли. И я больше не лез не в свое дело.

Но не думать об этой женщине уже не мог. Складывалось такое впечатление, что она начала присутствовать и в моей жизни. Правда, ненавязчиво. Я не думал о том, как бы поступила она в той или иной ситуации, поскольку не знал. Но все равно мысли о ней маячили на заднем плане моего сознания. Я часто задумывался: что такого она сделала, что завладела вниманием такого сильного и могущественного человека, как Руслан Тагаев? Это была тайна за сотней печатей. И лезть в это было себе дороже.

Мы встретились с Русланом, когда он уже добился первых успехов, восемь лет назад. Я же делал лишь первые, правда, успешные, шаги по карьерной лестнице. Тагаеву тогда был нужен специалист по гражданскому праву, а во мне в то время от специалиста были лишь огонь в глазах и неумная энергия. Но почему-то из всех клерков в нашей юридической конторе он выбрал именно меня. И не прогадал! Я рыл носом землю. Из кожи вон лез. И принес ему очередную победу. Тогда Тагаев сказал, что ему нужны такие люди в его команду. Так началось мое восхождение в мир зеркальных небоскребов, белоснежных яхт, закрытых клубов и огромных гонораров.

Казалось, что Руслан в этом мире кровожадных акул большого шоу-бизнеса был как рыба в воде. Он хватал на лету и делал все будто играючи. Я многому научился у него. Несмотря на то что мы были одного возраста, он стал для меня неким подобием старшего брата. Он казался мне мудрее, рассудительнее, степеннее. Его сложно было вывести на эмоции. Это не удавалось никому. Только ей.

Узнавая о том, что у Марго новый роман, Руслан уходил в недельный запой. А спустя семь дней собирал информацию о новом увлечении своей подопечной. И если досье было прозрачно, успокаивался. Если же нет, делал все, чтобы этот нежелательный субъект исчез из жизни Марго.

Я никогда не мог понять: если ты не можешь жить без этой женщины, почему не добиться ее, сделать все, чтобы она была с тобой? Но нет. Он всегда находился с ней рядом, оставаясь в тени. Хотя тенью его жизнь было назвать сложно. Поездки и съемки по всему миру, шумные вечеринки, яркие презентации, красные ковровые дорожки, невероятное количество престижных премий и, конечно же, сонм красивых женщин. Даже когда у него появлялся кто-то постоянный, его день тем не менее все равно начинался с доклада о жизни Марго.

Зачем так мучить себя? Чувства к этой женщине были написаны у него на лице, отражались в каждом действии или поступке. Он жил ее жизнью. Он ей вдохновлялся. Пока однажды доктор не озвучил страшный диагноз. Это случилось полгода назад.

Рак.

Четвертая стадия.

Ему оставалось жить несколько месяцев. Единственное, что на это ответил Тагаев:

– Надо успеть.

Но что успеть? Никто понять не мог.

Я подумал, что он будет приводить дела в порядок и составлять завещание. Хотя кому все завещать? Последней любовнице? Она была тупа как пробка. Да, тело там было выше всяких похвал. Но красивого тела мало для того, чтобы унаследовать многомиллионную империю.

Тем не менее Руслан удивил. Он оставил все дела на управляющих, выключил телефон и пропал на несколько месяцев.

* * *

Тем утром я был в офисе и в последний раз проверял все документы по делу, которое сейчас вел. Я давно уже стал самостоятельным и независимым от Тагаева. Он, конечно, дал моей карьере головокружительный старт, но очень быстро отправил в свободное плавание. Оставшись при этом моим близким другом.

Сигнал интеркома отвлек.

– Да? – ответил я, нажав на кнопку.

– Роман Дмитриевич, вам тут срочный звонок, – отвечает мой секретарь.

– Мариночка, я же просил меня ни с кем не соединять, – почти раздражаюсь я, но не успеваю до конца прочувствовать эти эмоции, поскольку секретарь перебивает меня:

– Это по поводу Руслана Дамиановича.

– Немедленно соедини!

И она соединяет. Звонили из Мюнхена. Из закрытой элитной клиники для онкологических больных. Отложив все дела и отменив встречи, я первым же рейсом вылетел в Германию.

* * *

От Руслана осталась только тень. Черные кудри осыпались, оставляя гладкий череп, щеки впали, под глазами залегли глубокие серо-фиолетовые впадины. Он не был похож на себя. И мне, мужчине, который считал себя сильным и стойким, захотелось заплакать. Потому что просто видеть его таким было больно.

Но даже сейчас от него веяло силой. Взгляд был спокойным. Он давно со всем смирился. Было даже похоже, что он рад тому, что не придется больше жить без нее...

И там, в Мюнхене, в закрытой элитной клинике для онкологических больных он все мне о ней рассказал. Рассказал их историю. Говорил он долго, несколько часов. А я слушал его с замершим сердцем. И даже боялся дышать, чтобы, не дай бог, обозначением своего присутствия сбить этот наполненный эмоциями рассказ, больше напоминающий последнюю исповедь. Потому что таких чувств не ожидаешь от скалы, которой являлся этот негибачаемый человек. О таких чувствах пишут в эпических романах. О них снимают оскароносное кино. Но в жизни такого быть не может. Так думал я, пока не услышал историю своего друга.

Руслан всегда умел говорить. Его заслушивались. Его цитировали. Но сейчас он не старался произвести впечатление. Ему уж точно было все безразлично. Но только не она. До самого последнего вздоха.

В тот день я получил от него два конверта. Один тонкий.

– В этом конверте мое завещание, – ответил Руслан на мой вопросительный взгляд. А второй весьма увесистый.

– А это мои последние слова. Для нее.

Нужды называть имя не было. Он всегда говорил лишь об одной женщине. Других по-прежнему не существовало.

– Ром, я хочу, чтобы ты исполнил мою последнюю волю, – хрипло произнес Руслан, слова явно давались ему с большим трудом.

– Для тебя все что угодно, Рус. Ты же знаешь, – ответил я, сжимая руку друга.

– Я хочу, чтобы ты позаботился о ней.

– Так же, как заботился ты? – удивился я.

– Нет, – через силу улыбнулся Тагаев. – Я не буду делать никаких секретов из своего завещания. Но только для тебя. Все свои активы я оставил ей.

Мои глаза расширяются, а Руслан продолжает:

– Тебя я назначил управляющим. Ты должен будешь ей помочь во всем разобраться.

– Рус, я... – мой голос совершенно не похож на мой.

– Не перебивай, – он тяжело вздыхает. – Ром, я знаю, что, возможно, это нечестно с моей стороны, но я всегда привык получать то, что хочу, и делать так, как задумал. Поэтому я решил, что вы поладите.

– Прости, что? – я шокирован.

– Ты полюбишь ее, я уверен. Ее невозможно не полюбить, – при этих словах его взгляд наполняется блеском, а губы растягиваются в мечтательной улыбке. И кажется, что этот человек дышит здоровьем, а не находится при смерти. – Я хочу, чтобы ты женился на ней и сделал ее счастливой, как не смог я.

– Рус, ты просишь меня о невозможном, – ошарашенно говорю я.

Он улыбается грустной снисходительной улыбкой, будто умудренный жизнью старик делится мудростью прожитых лет с маленьким ребенком, а тот никак не хочет его понять.

– Ром, я знаю, что говорю. Когда ты увидишь ее, ты поймешь.

Я все еще растерян, но нахожу, на мой взгляд, самые уместные в этой сложной ситуации слова:

– Я обещаю тебе, что позабочусь о твоей собственности. Расскажу ей все и помогу чем смогу. Но жениться...

Руслан улыбается.

– Когда ты с ней познакомишься, ты уже не сможешь без нее жить.

– Ты преувеличиваешь, – морщусь я.

– Ладно, это все лирика. Я не буду тебя уговаривать. Ты сам все поймешь. И сам придешь к моим решениям. Но знай одно, если ты ее когда-нибудь обидишь, я переверну даже ад, но найду способ вернуться и стереть тебя в порошок, – при этих словах его пальцы с невероятной в этом случае силой сжали мою ладонь, а в глазах полыхнуло пламя. И я понял, что он действительно найдет способ.

Мне же не было резона спорить с умирающим, поэтому я лишь сказал:

– Я все понял. И все сделаю. Для тебя.

После моих слов он расслабился.

А спустя несколько часов Руслана Дамиановича Тагаева не стало.

* * *

И вот сейчас я сижу в своем кабинете и думаю о том, как завтра я наконец увижу женщину, которой мой друг посвятил всю свою жизнь. До последнего вздоха. И его последние слова, что в это время крутятся в моей голове, не дают мне покоя: «Ты полюбишь ее!»

Глава 3

Марго

Без пятнадцати два я остановилась около высотного здания. Офис поверенного находился на тридцатом этаже огромной постройке из стекла и железа.

«Поверенный. Слово-то какое подобрал этот Роман Дмитриевич».

Последний раз взглянув на себя в зеркало заднего вида, вышла из машины. Замки практически бесшумно щелкнули, и я направилась к главному входу. В зеркальной поверхности здания отражалась женщина в черном костюме с укороченным жакетом, из-под которого виднелась шифоновая блузка, завязанная легким бантом у горла, и в туфлях на высоких шпильках, носы которых слегка выглядывали из-под широких брюк. Легкий дневной макияж и черные жемчужины в ушах дополняли образ. Единственным ярким пятном во всем облике были огненно-рыжие волосы, собранные на макушке в высокий пучок. Несмотря на всю мрачность моего траурного образа, я ловила заинтересованные взгляды встречных мужчин.

«Слабаки, – думала я. – Все боятся подойти и познакомиться с сильной женщиной. Боятся, потому что слабаки. Эти мелкие клерки страшатся вновь оказаться на вторых ролях, оказаться в подчинении. Им этого хватает на работе и в жизни. А в жизни никто не любит слабых. Закон джунглей: выживает сильнейший. Слабыми лишь пользуются. Вот и эти, проходящие мимо и сворачивающие шеи, боятся. Они на животном уровне чувствуют. Чувствуют ауру женщины, сделавшей себя самостоятельно. Без поддержки и помощи. Без «мохнатой лапы» над головой. Зубами, кровью и потом. Бессонными ночами. Трусы, – и от этих мыслей не появлялась злорадная улыбка на лице, нет. Наоборот, становилось очень грустно. – А вот Руслан подошел бы! Он не боялся отказа. Он всегда знал, как добиться положительного ответа. И добивался его! Разве что только один-единственный раз не смог...»

На этих мыслях металлические створки лифта отсекали от просторного холла, и кабина понесла меня ближе к небесам.

Обстановка в офисе и длинные ноги секретарши говорили о том, что зарабатывает адвокат очень даже неплохо.

– Добрый день, – улыбнулась я девушке, подойдя к ее столу.

– Добрый день, – приветливо отозвалась она, только вот приветливость была лишь в голосе, взгляд же, словно сканер, тут же прошелся по мне, подмечая все мелочи и оценивая. – Вы, должно быть, госпожа Милославская? – поинтересовалась она, закончив мое сканирование и явно оставшись недовольной увиденным. Но от профессиональной этики никуда не деться, тем более в офисе такого уровня, как этот.

– Все верно, – согласилась я.

– Я сейчас сообщу о вашем приходе. Присядьте пока, – она указала на мягкие диванчики за моей спиной.

– Благодарю, – ответила я, принимая приглашение.

Прождать мне пришлось почти десять минут. Это говорило о том, что я не самый желанный гость в этом офисе. А хотя с чего бы мне им быть. Роман Дмитриевич меня не знает. Но зато он знал Руслана. И тогда десять минут – это уже не так много. В любом случае у меня всегда с собой была работа. Когда распахнулась массивная дверь кабинета, на пороге появился высокий темноволосый мужчина в строгом сером костюме и шагнул ко мне со словами:

– Маргарита Витальевна, здравствуйте! Извините, что заставил вас ждать.

Я выключила планшет, на котором просматривала документы, и, закинув его в сумку, поднялась навстречу адвокату.

– Ничего страшного, – пожалала я протянутую руку. – Дела. Я все понимаю.

Сканер во взгляде адвоката был на несколько порядков выше, чем у его секретарши, поэтому лишь благодаря профессиональной выдержке перед такими взглядами я не показала, какой озноб прошелся у меня по спине от этого сканирования. Я и так нервничала с самого утра, ведь сегодня мне придется столкнуться со своим прошлым. Тем прошлым, от которого я бежала, которое старалась забыть. Но так и не смогла. И вот, это прошлое сейчас предстанет передо мной во всей красе.

– Прошу, проходите в мой кабинет, – жестом пригласил поверенный.

– Благодарю, – ответила я, забирая у него свою руку.

– Присаживайтесь, – предложил адвокат, указывая на одно из кресел возле его рабочего стола. Весьма, хотелось бы заметить, внушительного рабочего стола.

И вообще, весь вид этого кабинета был таким же. Тому, кто впервые оказался внутри, окружающая обстановка внушала ощущение собственной ничтожности. Огромные пустые пространства, белоснежная мебель и стеклянные поверхности вперемешку с металлом, а за креслом адвоката огромные панорамные окна с видом на всю Москву.

– Возможно, чего-то хотите? – вывел меня из созерцания всего этого великолепия мужской голос.

– Что? – не сразу сориентировалась я.

– Чай, кофе, вода?

– Нет, спасибо, – улыбнулась я. – Послушайте меня, Роман эээ...

– Дмитриевич, – подсказал мне адвокат, опускаясь в свое кресло.

– Роман Дмитриевич. Мне кажется, что эта шутка слегка затянулась. Давайте, наконец, разведем весь этот фарс и разойдемся по-хорошему.

Роман Дмитриевич после моих слов почему-то грустно улыбнулся, будто вспомнив что-то.

– Я сказала что-то смешное? – спросила я, оскорбившись его улыбкой.

– Прошу прощения за свою несдержанность, но Руслан Дамианович предвидел ваше недоверие и перед оглашением его завещания попросил меня передать вам это.

Он достал из верхнего ящика стола толстый белый конверт.

– Что это? – спросила я.

– Сначала прочтите, а потом мы продолжим.

С этими словами Роман Дмитриевич встал из своего кресла и, положив конверт передо мной, вышел из кабинета.

Глава 4

Роман

Вот и настал тот день, когда я увидел ее.

Волнение захватило меня сегодня с самого утра. А утро началось еще до рассвета, поскольку я и так плохо спал. Стоя под струями душа, пытался понять, что именно меня так беспокоит? Откуда взялось это волнение? Да и с чего вдруг? Очередное оглашение очередного завещания. Хотя нет. Это оглашение никак не могло быть просто очередным. Ведь это была последняя воля Руслана, моего лучшего друга. И сегодня я наконец-то должен был познакомиться с женщиной, о которой столько слышал, женщиной, которую, казалось, уже знал. Но по какому-то стечению обстоятельств никогда не видел даже ее изображения. Я слышал, что у Руслана в саду стояла статуя с ее лицом. Но мой друг настолько сильно охранял все, что было связано с этой женщиной, что даже я в его доме никогда не был. И никто не был. Для своих постоянных пассий он снимал квартиры и предпочитал встречаться с ними на той территории. Поэтому его жилище обрастало тайнами и почти легендами. Папарацци жизнь были готовы отдать хоть за один снимок жилища этого человека. Но охрана Руслана была первоклассной и его распоряжения выполняла беспрекословно. Поэтому смельчаки, готовые подобраться на расстояние объектива, находились все реже.

Я доехал до офиса и работал первую половину дня на автомате. Лишь годами отлаженные навыки помогли не забросить сегодняшние дела полностью. Но тем не менее я постоянно ловил себя на том, что поглядываю на часы, ожидая времени ее прихода.

И вот, ровно в два часа раздался сигнал интеркома, и Марина сообщила, что моя гостья прибыла. Я попросил подождать, пока сам за ней не выйду. Но после того как отключил интерком, не побежал к двери своего кабинета, нет. Наоборот, откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Да что со мной сегодня? Эти ощущения в теле уже изрядно начинали бесить. Сейчас еще сорвусь на ни в чем не повинной женщине, потом отмывай репутацию. А она ведь тоже юрист, насколько мне известно, причем, по словам Дитмора, неплохой. Можно и не отмыться.

Разумеется, я перед встречей ознакомился с ее досье. Не с тем, конечно, которое имелось у Руслана. И в котором отражены все ее ежедневные действия. Нет, лишь короткая справка с сухими фактами биографии.

Десяти минут мне хватило, чтобы собрать остатки хладнокровия и пойти встречать гостью. Но стоило мне выйти из кабинета в приемную и натолкнуться взглядом на тонкую фигуру в черном, находящуюся в самом центре моего царства из белой кожи, стекла и металла, как я завис.

Цвет ее наряда настолько контрастировал с окружающей обстановкой, что не позволял оторвать от нее глаза. И тут мое сознание словно стрелой прострелило: она надела траур! Траур по Руслану! Так не могла поступить равнодушная женщина. Значит, он все еще что-то значил для нее! Эта мысль неприятно резанула. Но больше хранить молчание было нельзя, и я обозначил свое присутствие.

На мой голос вскинулись яркие синие глаза в обрамлении пушистых ресниц, и в сердце что-то кольнуло. В те мгновения, что она выключала свой планшет, убирала его в сумку и поднималась, я перестал дышать. А потом наши ладони встретились в рукопожатии, и замедлившееся сердце сорвалось в галоп.

Маргарита Витальевна была хороша. Этакая снежная королева с огненной короной в виде пышного пучка рыжих волос на голове. На таких мужчины оборачиваются, таких хотят. Но их боятся. Потому что слишком независима, слишком непокорна и самостоятельна.

Но все это лишь на первый взгляд.

Из предсмертного рассказа Руслана я знал, что эта женщина – сущий огонь. Небужданная, страстная и неутомимая. И это расхождение с моим мысленным восприятием и картиной, что предстала перед глазами, резко ударило в кровь. И желание моего тела познакомиться с этой женщиной как можно ближе начало потихоньку набухать в районе паха.

«Да, именно такую женщину мог полюбить Руслан Тагаев. Необычная. Нестандартная. Приковывающая внимание».

В первые мгновения я растерялся, потому что такой скорой и однозначной реакции своего организма не ожидал, но нужно было что-то делать, чтобы скрыть это недоразумение. Поэтому я практически втолкнул гостью в свой кабинет, указывая жестом, куда она может опустить свою аппетитную попку.

«Боже! О чем я думаю!»

Пара минут вне поля ее зрения позволила мне перевести дух. А предлагая ей напитки, я старался максимально удерживать ее взгляд на моем лице, чтобы у меня была возможность дойти до своего кресла, оставляя выпуклость на брюках незаметной.

К счастью, мой план удался. А к тому моменту, как я вновь поднялся и покинул кабинет, оставляя Маргариту Витальевну наедине с письмом Руслана, все уже было в порядке.

* * *

«Что ты творишь, Боголюбов? Эта женщина – любовь всей жизни твоего лучшего друга. Пусть и покойного. Но все равно так нельзя, – отчитывал я себя, расхаживая по конференц-залу. – Откуда такой жесткий стояк? Тебе что, шестнадцать? Ты же не монах! У тебя были бурные выходные. Неужели тебе мало?»

Нет, это какое-то наваждение. Я сейчас думал о женщине в своем кабинете и чувствовал, как от этого возрастает эрекция.

– Роман Дмитриевич, я вам тут кофе принесла.

Я резко обернулся. В дверях стояла моя секретарша с чашкой кофе в руках. Мой взгляд невольно прошелся по ней оценивающе. Да, что греха таить, Марина была ничего. Стройные ноги, из-за которых я в свое время и принял ее на работу, узкая юбка чуть ниже колен, обтягивающая чуть больше, чем было нужно обтягивать. Светлая свободная блузка, которая сейчас расстегнута на две лишние пуговицы. Когда я уходил из приемной, они, кстати, были застегнуты все, открывая вид на ложбинку между грудей.

Марина давно уже напрашивалась. Она всячески пыталась пролезть в мою постель, но я придерживался строгого правила: никакого секса на работе! Однако сейчас мне была нужна срочная разрядка, иначе вместо оглашения завещания я наброшусь на Маргариту Витальевну и буду вколачивать ее в поверхность своего рабочего стола, пока тот не рухнет. И тогда точно не избежать.

Пока я думал обо всем этом, Марина подошла к столу и оставила чашку на нем, а потом развернулась и направилась к двери.

«Правильно, лучше убегай, пока твой озабоченный босс не набросился на тебя», – успел подумать я.

Но Марина удивила. Вместо того, чтобы разумно сбежать, она подошла к двери и повернула ключ в замке.

«Зря ты это делаешь, девочка, – подумал я. – Ты же не сможешь остаться на работе в этом офисе после того, что здесь сейчас случится».

Я облокотился о край стола и начал наблюдать за своей помощницей. Она явно для себя все решила и действовала очень уверенно. Плавно покачивая бедрами, приблизилась почти вплотную. Мои ноги были перекрещены, ладони уперты в столешницу, и вся поза выглядела расслабленно, но на самом деле я был очень сосредоточен.

– Марина, что бы ты ни задумала, тебе лучше остановиться. И прямо сейчас, – хрипло говорю я девушке в лицо.

Она принимает не имеющую никакого отношения к ней хрипотцу моего голоса на свой счет и смеется окончательно:

– А если вам понравится то, что я задумала? – спрашивает она, кладя руки мне на грудь.

– Независимо от того, понравится мне или нет, нам с тобой придется расстаться, – говорю я ей уже почти в губы. – Как в личном плане, так и в профессиональном.

Девушка слегка отстраняется. Ее явно удивляет моя прямолинейность.

– Совсем нет никаких шансов остаться? – наивно спрашивает она. – И бог с ним, с профессиональным планом.

В эту минуту понимаю, что у девочки точно нет никаких шансов. Потому что я на таком взводе, что от меня нужно бежать без оглядки, а она вместо этого лишь сильнее прижимается к моим бедрам.

– Я напишу тебе отменные рекомендации, – это последнее, на что меня хватает.

Я впиваюсь в губы девушки, сразу же проникая языком ей почти в горло, мгновенно выбивая из нее протяжный стон, и понимаю, что рекомендации писать точно придется. Ведь Марина, по сути, ни в чем не виновата. Она оказалась не в нужном месте и не в нужное время. Но остановиться я уже не могу.

Мои ладони опускаются на девичью попку, и я вдавливаю ее в свою эрекцию, чтобы она ощутила всю силу моего желания, к которому, к сожалению, не имеет никакого отношения. На мгновение я сжимаю ее ягодички, а потом скольжу вниз по ногам и тяну узкую юбку наверх.

Мне не нужно ее раздевать, я сейчас не способен на продолжительные предварительные ласки, мне просто нужно засунуть свой член в женщину и получить долгожданную разрядку.

И вот юбка девушки уже собрана в районе ее талии, а моя рука сдвигает в сторону тонкое кружево. Пальцы проходятся по влажным складочкам, утопая в них. Я хватаю Марину за волосы на затылке и тяну назад, тем самым прерывая наш сумасшедший и какой-то голодный поцелуй.

– Да ты вся течешь, девочка, – говорю я ей.

Ее стеклянный взгляд пытается сосредоточиться на моих глазах, и когда ей, наконец, это удается, она отвечает:

– Я давно уже по тебе теку. А ты это только заметил.

– Ну, до этого момента у меня не было возможности проникнуть к тебе в трусики, – говорю я, а сам уже быстрыми движениями расстегиваю блузку на девушке и высвобождаю округлую грудь.

Один сосок накрываю ртом, а другой кручу между пальцами и думаю об отличной звукоизоляции в конференц-зале, поскольку Марина уже не сдерживает свои стоны. Видимо, она такая же изголодавшаяся по мне, как я по Марго.

Стоп!

Эти мысли ошарашивают меня, и я даже на несколько мгновений забываю о девушке в моих руках. Как такое возможно? Я впервые увидел Марго пару десятков минут назад, а уже думаю о том, насколько изголодался по ней! Нет, это какой-то бред. Я настолько, видимо, сошел с ума, что мне мерещится голос Руслана: «Я же тебе говорил, что одного взгляда на нее будет достаточно».

Марина мою заминку воспринимает по-своему. Она опускается передо мной на колени и, наконец, добирается до того, к чему, по ее словам, так страстно стремилась.

Мой член приветливо глядит на нее, радуясь новому знакомству. Марина сразу берет его в рот, обхватив рукой у самого основания. Голова ее быстро двигается, вбирая в себя член. Но далеко не на всю длину. На всю довольно сложно – я это понимаю. Бог меня не обделил сантиметрами. Но сейчас мне хочется, чтобы меня взяли именно целиком. Она тоже хочет

показать мне класс, но у нее ничего не получается. Сверху я слежу за тем, как она старается, но не чувствую практически ничего. Нет, механическое воздействие я, конечно, ощущаю, но на этом все.

Я не способен больше выдерживать это, поэтому вновь хватаю ее за волосы и, вынув член из ее рта, тащу ее вверх.

Марина тянется к моим губам, но я уворачиваюсь. Никогда не целовал девушек, у которых во рту только что побывал член, пусть даже и мой. Я опрокидываю Марину животом на стол и шлепаю по заднице. Она стонет. Сдвигаю в сторону тонкую полоску стрингов и сразу вхожу в нее на полную длину. Марина почти кричит. Я держу ее за ягодицы и вколачиваюсь в нее, словно отбойный молоток. Она пытается подняться и посмотреть на меня, но я хватаю девушку за волосы и прижимаю ее голову к столу. В этот момент мне нужно видеть другое лицо. Не Марины. А той, что сейчас сидит в моем кабинете и читает прощальное письмо Руслана.

Стискиваю зубы и почти рычу от этой безысходности. Но ничего не могу с собой поделаться. Я думаю о ней и представляю, что это она сейчас стоит в такой позе посреди конференц-зала в моем офисе, что это в ее лоно я вгоняю свой член по самые яйца. И закрываю глаза, поскольку представлять на месте коротких черных волос длинные и рыжие очень сложно.

И после этого мне хватает лишь пары толчков, чтобы взорваться. Я еле успеваю вытащить член из Марины, чтобы сперма стекла по ее ноге.

Лишь спустя пару минут мне удастся отдышаться.

– Да ты просто зверь, Роман Дмитриевич, – говорит Марина, снимая безнадежно испорченные моим семенем чулки.

– Я куплю тебе новые, – отвечаю, поправляя на себе одежду.

Мне бы сейчас в душ.

– А кто такая Марго? – вдруг спрашивает Марина.

– Что? – не понимаю я.

– Прежде чем испортить мне чулки, ты назвал меня Марго.

«Фак! Вот дерьмо!»

– Ты, скорее всего, ослышалась, – несусь я какой-то бред.

– Вряд ли, – улыбается она. – Марина и Марго сложно перепутать, – а потом она зависает, будто что-то вспомнила, и выдает мне свой роял-флеш: – А не та ли это Марго, что приехала сегодня к нам в офис?

«Хитрая все-таки сучка. Точно пора увольнять».

– Марин, в мире множество женщин с таким именем. Но это сейчас не важно. Потому что мы все друг другу сказали до того, как это здесь произошло. Я, как и обещал, дам тебе лучшие рекомендации. И даже более того, помогу устроиться на новую работу. С этого момента у меня ты больше не работаешь. Ах да, и если вдруг тебе захочется где-то взболтнуть лишнего, хочу напомнить, что ты подписывала бумагу о неразглашении.

С этими словами я поворачиваю ключ в замке и выпроваживаю своего уже бывшего секретаря из конференц-зала.

Скорее всего, я поступил неправильно, возможно, даже подло. Но оправдываю себя тем, что девчонка пошла на это сознательно, ведь все последствия я ей озвучил перед тем, как засунуть язык в ее рот. Возможно, я даже попробовал бы углубиться в самобичевание, но стоило только двери закрыться за Мариной, как все мои мысли возвратились в мой кабинет к рыжеволосой нимфе с синими глазами.

Глава 5

Марго

Я и раньше получала письма от Руслана. В них он всегда писал, как любит меня, как я ему нужна. И вручение их каждый раз было тщательно срежиссировано. И всегда это было похоже на фейерверк. На что-то незабываемое. Но сейчас все было уж как-то пугающе тихо и официально.

Я сидела в кресле и смотрела на белый конверт, лежавший на столе. Что там? Очередное признание? Очередная подстава? Или розыгрыш?

Я никак не могла заставить себя протянуть руку и дотронуться до послания. Чего я боялась? Не знаю. Да только ладони словно приросли к коленям. Яркий солнечный день за панорамным окном, лучи света проникают через стекло и отражаются почти ото всех поверхностей в кабинете. Как же много света! Он окутывает со всех сторон, пытается проникнуть внутрь меня. Но это невозможно – внутри меня плотная густая тьма. Тьма боли, обиды, разочарования. И злость! Меня вдруг начинает переполнять необъяснимая злость. Только вот не знаю, на кого злость. На Руслана? Или на себя? Эта злость придает мне сил, и я отрываю ладони от колен.

Взяв конверт в руки, я почувствовала, насколько он толстый.

«Неужели таким изощренно-театральным способом он решил вернуть мне долг?» – подумала я.

Медленно распечатав конверт, я достала содержимое. Это было письмо. Очень длинное. Из нескольких листов. Написанное его рукой на фирменной бумаге с вензелями и инициалами «Р. Т.». Я всегда любила именно такие письма, написанные от руки, а не напечатанные. И он об этом знал...

Не узнать его почерк я не могла. Он же в свое время столько писем мне написал. Правда, бумага была тогда попроще. Но оболочка не умаляла содержания. В них была целая жизнь! Живые эмоции! Чувства! Переживания! Порой он меня умолял, порой проклинал. Но всегда писал. Писал обо всем. И все его письма были разными. Как по объему, так и по содержанию. Единственное, что всегда оставалось неизменным, это окончание. Он всегда заканчивал одним и тем же постскриптумом:

«Я люблю тебя!»

Всегда!

Когда в этих письмах желал мне мучительной смерти или умолял к нему вернуться. В конце любого текста я находила не меняющийся постскриптум.

Глава 6

Роман

Чтобы хоть как-то отвлечься от дурацких мыслей, попытался заняться работой. Но вышло плохо. Поэтому я позвонил в отдел кадров и дал им два поручения.

Первое: сегодняшним днем оформить увольнение Марины и подготовить для этого все бухгалтерские и кадровые документы. Отдельно попросил начальника отдела кадров написать самую лучшую характеристику, на которую он только способен. И чтобы через час вся эта макулатура была на моем столе. Правда, пришлось уточнить, что временно мой стол сейчас находится в конференц-зале. И отдельной просьбой дал распоряжение обеспечить бывшего секретаря новой парой чулок. Сергей Николаевич заверил меня, что все передаст Марине и через час документы будут у меня. В ответ на это я сообщил, что Марине больше нет надобности здесь появляться, и просил прислать кого-нибудь другого. На что Сергей Николаевич слегка замялся, но понимающе промолчал.

Из чего вытекало мое второе поручение: срочно, и желательно уже сегодня, сейчас, найти мне нового секретаря. На что начальник отдела кадров весьма оживился и сказал, что именно сейчас он проводит собеседование с подходящим кандидатом.

– Вот пусть этот кандидат и принесет мне готовые документы.

На этом мы распрощались.

* * *

Ровно через час в дверь конференц-зала постучали. Бодро так, хочу заметить, постучали. И, не дожидаясь моего ответа, вошли.

Я оторвался от бумаг и обалдел. На пороге стоял высокий парень лет двадцати с папкой в руках.

«Это и есть подходящий кандидат?» – подумал я.

В плане работы секретаря у меня было несколько стереотипное понятие. Секретарь – это девочка с длинными ногами, упакованная в офисные тряпки. А тут парень! Правда, упакованный не хуже.

«Хотя, – подумал я, – его я точно не трахну», – и указал парню на соседнее кресло.

– Роман Дмитриевич, добрый день, меня зовут Кирилл, и я мечтаю на вас работать, – парень смело шагнул ко мне и протянул руку, широко улыбаясь.

– Добрый день, – я поднялся и ответил на рукопожатие.

Парень разместился в предложенном мной кресле и протянул мне папку, которую все это время держал в руках.

– Это вам передали из отдела кадров.

В папке были Мариныны документы. Характеристику ей действительно написали отменную. Познакомившись с этим текстом, я подумал, что только дурак отпустит такого сотрудника. Поэтому был спокоен за ее трудовое будущее. Подписав все документы и отложив папку в сторону, вернул внимание своему уже, скорее всего, новому секретарю.

– Значит, Кирилл.

– Все верно. В отделе кадров сказали, что переслали мое резюме вам на почту.

– Обойдемся без резюме. Расскажи мне все сам.

Парень слегка покраснел и опустил глаза. Но лишь на несколько секунд.

– Да там немного. Я студент. Понимаю, что студентов не берут на такие должности, но обещаю, что вы не пожалеете.

«На такие должности, – мысленно повторил я. – Должность моего секретаря, это, конечно, не «подай, принеси», но и не самостоятельное ведение дел. Неужели парень считает, что мое имя даст ему зеленый свет в будущее?»

«Я же когда-то тоже в тебя поверил», – звучит в голове голос Руслана, и я вздрагиваю.

Улыбка слетает с лица студента.

– Я понимаю, что мои слова несколько самонадеянны, но дайте мне шанс, и я его оправдаю.

– Хорошо, Кирилл, – вздыхая, отвечаю я. – В любом случае у меня сейчас нет секретаря, а без помощника я как без рук, поэтому место твое. Но у тебя будет испытательный срок. Неделя. Если за эту неделю произойдет хоть одно недоразумение, мы с тобой расстанемся без взаимных претензий. Договорились?

Кирилл вскакивает с места и, схватив мою руку, трясет ее, как в жестком приступе Паркинсона.

– Вы не пожалеете! Отвечаю! Ой! То есть обещаю!

Я не могу сдержать улыбки.

– Значит так, сейчас в кадры и назад ко мне. Приступаешь сию же минуту.

– Да, босс! Я все понял! Шесть секунд!

И парня словно ветром сдувает. Я улыбаюсь. Мне кажется, что именно сейчас я поступил правильно. Так что «Кирилл» накладывается на «Марину» и получается взаимозачет. Одно хорошее дело перекрывает плохое. Я молодец!

Только вот почему именно шесть секунд?

Глава 7

Марго

Я сделала глубокий вдох и начала читать:

«Ну, здравствуй!

Это действительно мое последнее письмо. Я умираю. Сначала хотел попросить свою помощницу написать тебе, но в твоих глазах это возымело бы мало уважения. Я сделал над собой нечеловеческое усилие и пишу тебе сам. Нечеловеческое по двум причинам: во-первых, мне тяжело двигаться, а во-вторых, писать тебе – еще тяжелее».

Я отложила письмо. Реальность происходящего, наконец, начала доходить до меня.

Руслан! Как ты мог умереть? Как ты мог? Кто угодно, но только не ты! Я закрыла лицо руками. Захотелось расплакаться, но слез не было. Внутри меня вообще больше ничего не было. Вместо наполненности, я ощущала сплошной вакуум, который только разрастался. Разрастался, давил на легкие и мешал дышать. Снова возникло это чувство панической атаки. Моя грудь то поднималась, то опускалась, но воздух в легкие отказывался поступать. Я вернула письмо на стол и поднялась. Стены кабинета поверенного шатались, так и норовя придавить меня к полу. Надо взять себя в руки! Боже! Что ж так тяжело-то, а? Нет! Боже! Нет! Не верю! Не хочу! Отказываюсь! Русла-а-ан!

Я зажимала рот рукой, чтобы эти душевные крики не выбрались на поверхность.

В моей голове поселились два голоса. Один требовал, чтобы я позволила горю покинуть меня, дав выход слезам и крикам. Другой же требовал вести себя, как взрослый человек, и не устраивать истерик. Но боли было одинаково плевать как на одного, так и на другого. Боли хотелось крушить и ломать. Хотелось высвободить адреналин, смести в бездну все вокруг. Но я лишь только сильнее прикусила ладонь. И это помогло – слезы, наконец, выкатились из глаз.

В последние два дня я плакала столько, сколько не плакала за всю свою сознательную жизнь. Я никогда еще не теряла близких. Все мои родственники живы. Я никогда никого не хоронила. Не хоронила я и Руслана. Да и в число близких мне людей он вот уже как целую десятку лет не входил. Но сейчас было ощущение, что я осталась в этом мире совершенно одна. Без возможности что-то исправить. Без возможности излечиться от этой боли.

Как хорошо, что поверенный оставил меня одну. Не представляю, как бы я вела себя в его присутствии. Как бы справлялась с этими эмоциями. Не знаю.

Воспоминания об адвокате слегка отрезвили. Письмо! Надо прочесть письмо! Последнее письмо Руслана...

Я наткнулась мутным взглядом на графин с водой. Всего один стакан показался мне эликсиром жизни. Осушила его почти залпом. Налила второй. Его постигла та же судьба. Оставшиеся несколько капель вылила на ладонь и протерла лицо. Давно было плевать на макияж. Его уже не спасти.

Сделала глубокий вдох, взяла письмо в руки и, откинувшись в кресле, продолжила читать:

«Я добился того, чего хотел! Получил практически все, о чем мечтал! Заработал состояние, стал знаменитым... Лишь одного я так и не смог добиться – тебя! Два года, что мы были вместе, – самое лучшее время в моей жизни. Знаю, что ты никогда не любила меня, но лишь с тобой я был по-настоящему счастлив. Я жил полной жизнью! Каждый день с тобой был по-своему новым и неповторимым. Я любил тебя! Тебя одну! Из всех женщин, что были у меня, только лишь ты заставляла быстрее биться мое сердце. Ты единственная была живой; единственная была правдивой; единственная была настоящей; ты вообще была единственной...

И я тебя потерял...

Потерял то единственное, что мне было по-настоящему дорого. Знаешь, когда получил все то, о чем мечтал, я понял одно – не это было моей самой заветной мечтой. Деньги, известность, признание – это не делает тебя счастливым, когда рядом нет самого главного человека в твоей жизни. Когда нет тебя! Жаль, что понял я это не сразу...

Своим успехом я тоже обязан тебе. Ведь если бы ты меня тогда не разозлила, если бы ты меня тогда не бросила, ничего у меня не вышло. Я работал день и ночь! И все ради одного – чтобы доказать тебе, чего я стою! Чтобы ты увидела, кого потеряла. Мне хотелось, чтобы ты ждала, чтобы локти кусала. Чтобы, проглядывая мои фото и статьи обо мне в светской прессе, видела меня с очередной красоткой; и я тешил себя надеждой, что ты будешь сгорать от ревности. Но получилось все с точностью до наоборот.

Это я следил за каждым твоим шагом. Когда стал зарабатывать хорошие деньги, действительно хорошие, нанял детектива, чтобы следить за тобой. Он докладывал мне о каждом твоем шаге! Я был осведомлен о твоей жизни, наверно, даже лучше, чем ты сама, потому что она была у меня четко законспектирована и расставлена в хронологическом порядке. В моем доме в России был отведен целый архив для твоей жизни. Но ты можешь быть спокойна – архив находится под кодовым замком, и комбинацию знаю только я. Хотя сейчас узнаешь и ты: один, четыре, ноль, два, два, ноль, ноль, восемь. Ничего тебе не напоминает? Премьера фильма «P. S. Я люблю тебя». Помнишь? Четырнадцатое февраля две тысячи восьмого года. Но на этом я остановлюсь позже...

Через несколько лет я заметил, что все делаю так, как ты хотела. Одеваюсь так, как ты мне говорила. Говорю так, как ты мне советовала. И самое главное – практически никогда не обманываю. Практически... Ведь именно ложь была истинной причиной твоего ухода. Моя наглая и корыстная ложь. Я знаю, что даже ты не смогла бы сказать об этом лучше. Я лгал тебе практически все время, что был рядом с тобой. Лгал во всем! Лишь одно было истинной правдой: я любил тебя! Я любил тебя все два года, что мы были вместе, и все те годы, что я прожил потом без тебя. И сейчас, когда умираю, ты единственная, о ком я думаю, кого хочу видеть, кого хочу обнять.

Но я понимаю, что просить тебя об этом не имею никакого морального права. Хотя уверен, если бы ты узнала, где и в каком состоянии нахожусь, забыла бы все то зло, что я причинил тебе, и тут же примчалась. У тебя слишком доброе и благородное сердце.

Ты выполнила все обещания, что давала мне. В отличие от меня. Даже обещание покинуть меня, если я когда-нибудь тебя обману. Если бы у меня была возможность вернуться и все исправить. Сказать тебе правду, какой бы она ни была. Тогда бы ты меня простила. Я знаю. Жаль, что понял это лишь спустя долгие годы одиночества.

Ты, наверно, удивилась – как одиночества? Вокруг же было столько народу. Все эти женщины, которым были нужны лишь мои деньги, такие же фальшивые друзья, которые хотели от меня того же. И только лишь тебе одной никогда и ничего от меня не было нужно».

Здесь я уже не могла сдерживать слезы. Роман Дмитриевич предусмотрительно поставил на край стола пачку бумажных платков. Я схватилась за них, как за спасательный круг. Слезы мучительно душили меня. Хотелось рыдать в голос. Но люди, находящиеся сейчас за дверью, вряд ли поняли бы меня. Хотя кто знает...

Переведя дыхание, я встала и немного прошлась. Даже не представляла, что мне будет настолько тяжело. Ощущение, что вся боль и печаль этого мира навалились на меня. Тело наполнила невероятная тяжесть. Сложно было даже дышать. Но я сделала над собой усилие и вернулась к письму.

«Ты помнишь наш первый поцелуй? Как это произошло? Случайно? Или преднамеренно? Кто его уже знает. Только я никогда не забуду этого волшебного момента. Темный кинозал. Ты и я рядом. Я вдыхаю твой аромат. Какой фильм мы тогда смотрели? Ты не помнишь?»

А я помню! «Р. С. Я люблю тебя». Ты как раз эту книгу читать закончила. И мы пошли проверить, насколько твое личное видение этой истории совпадает с видением режиссера.

В кинотеатр мы вошли друзьями, а вышли уже парой...

Дружба с тобой была так мучительна! Ведь я уже не первый год сходил по тебе с ума. Очень сложно дружить с человеком, которого хочется изнасиловать... Когда ты ответила на мой поцелуй, я чуть не умер от счастья – о большем не мог и мечтать! Я готов был кричать о своей любви к тебе! Боялся выпускать твою руку из своей; боялся того, что все это мне лишь привиделось.

Извини, прервусь ненадолго, а то тут все приборы громко запикали. Сейчас сбежится докторье. Если бы ты только знала, какие бабки я им плачу, то точно отругала меня!..

Ну вот, меня подремонтировали. Мое сердце вновь бьется ровно. Но уверяю тебя, это ненадолго – когда речь идет о тебе, я не могу быть спокойным.

На чем я там остановился? Ах да...

Ты стала моей! Мы говорили с тобой часами обо всем на свете; «гуляли по Москве, забыв про расстоянье», как поется в одной из моих песен о тебе; мы много смеялись, много шутили и дурачились. Я не верил своему счастью – рядом со мной человек, который всегда меня понимал, во всем поддерживал и всегда был на моей стороне, даже тогда, когда я неправ.

Ты представить себе не можешь, как мне все тогда завидовали! Я никогда не был так счастлив! Что до тебя, что после. Мне хотелось дать тебе все! Мне хотелось стать для тебя таким же человеком, каким ты стала для меня. И я кое-что придумал. Помнишь ту банковскую аферу, которую я провернул с твоей помощью? Я сумел так искусно разыграть партию, что о своей роли в ней ты даже не узнала. Тогда не узнала.

У меня появились деньги. Большие, как мне тогда казалось. Это сейчас я в день зарабатываю в несколько раз больше. А тогда вообразил, что стал сказочно богат.

Вспоминая то время, не могу сдержать улыбки. Мы с тобой проишлись по всем московским заведениям, и я сорил деньгами, а ты от всего отказывалась, понимая, что простой студент без родителей, без поддержки родственников не может всего этого себе позволить. Я уже тогда понимал, что ты достойна самого лучшего, и хотел дать тебе все, но никаких усилий приложить для этого не пытался. Я слепо верил в удачу и в то, что если не сегодня, то завтра мне точно повезет. Так по своей глупости я оказался в колоссальных долгах. Я был должен всему миру! И что самое ужасное, я был должен тебе!..

С каждым днем дела становились все хуже. И ты, по всем законам жанра, должна была бросить меня уже давно. Но твое благородство всегда шло впереди тебя. Ты считала ниже своего достоинства бросать человека в трудную минуту. Ты не раз спасала мне жизнь, а я с каждым днем все сильнее затягивал тебя в это болото.

А потом ты узнала правду... Не от кого-то, нет. Сама. Просто сопоставив факты и выведя их в логическую цепочку. На сбор информации у тебя ушло два года, на принятие решения – пара секунд.

Когда в тот вечер я слышал от тебя слова ненависти – это было не так обидно. Ненависть – это тоже чувство. И порой оно бывает сильнее всех остальных. И я был рад, что ты испытывала ко мне хоть что-то. Ведь то, что ты ко мне чувствовала хотя бы это, давало надежду, что еще не все потеряно. Но потом... Потом я увидел разочарование в твоих глазах. И понял, что это конец.

Те грубые и грязные слова, что кричал тебе в ответ, были адресованы скорее мне самому. Я не тебя, я себя тогда ненавидел, потому что понимал, что сейчас потеряю тебя навсегда. И потерял».

Я не могла читать дальше – слезы застилали глаза. Я не сдержалась и зарыдала в голос. Мне стало все равно, что подумают обо мне эти люди, которых видела в первый и, скорее всего, в последний раз. Я дала волю своим эмоциям. Позволила им выйти наружу.

Я кричала! За мной уже давно должны были приехать санитары из лечебницы для душевнобольных, вызванные перепуганным персоналом. Но за дверью кабинета было подозрительно тихо. Хотя в тот момент, даже если бы там проходили активные военные действия – я бы не заметила. Потому что внутри меня шла более ожесточенная война.

Репутация? О чем вы? После пары прочитанных листов душу выворачивало наизнанку так, что проще сейчас было самоубиться, чем спокойно это пережить.

Проплакала я, наверно, около часа. Очнулась от забытья, лежа на диване в дальнем углу кабинета юриста. Свернувшись калачиком, давила в себе рыдания. Туфли я где-то потеряла. За это время дверь в кабинет так и не открылась. Чернила в письме Руслана слегка растеклись от той влаги, что попадала на бумагу из моих глаз. Когда всхлипы мои стали немного потише, я встала и налила себе стакан воды. Выпив его залпом, вернулась к письму.

«А помнишь, как я признался тебе в любви? О, я так долго готовился к этому. Мне хотелось, чтобы ты запомнила это признание на всю жизнь.»

Наш любимый маленький клуб «Джиксо». По-моему, это было восьмое марта. Да, именно. Я сам написал ту песню и поставил танец. Мне так хотелось впечатлить тебя. Ведь я еще так остро ощущал тепло нашего первого поцелуя на своих губах. И по выражению лица, которое было у тебя тогда, понял, что мне это удалось.»

Я еще никогда в жизни не нервничал так, выходя на сцену. Вся наша славная компания знала о моих замыслах. Но ни один из них не проболтался – не выдал тебе секрета. Операция «Признание в любви» подготавливалась в строжайшей тайне. Я до сих пор страшно благодарен ребятам – они ни разу не сбились в схеме танца, хотя на репетициях постоянно валяли дурака и тем самым доводили меня до бешенства.»

Когда же диджей выключил музыку и попросил всех танцующих освободить место на танцполе, сердце мое замерло. Я понял – отступить уже нельзя. И я запел. А точнее, зачитал тебе свой рэп. Эти строки родились сами собой. Начал с того, каким вольным я был, меняя женщин как перчатки, пока не встретил тебя. Ты изменила меня и мою жизнь. А закончил словами: «Милая, я люблю тебя!»»

Не знаю, кто больше испугался, ты или я. Но было уже поздно. Диджей передал танцорам огромный букет белых роз, что я подготовил заранее, а те в невероятном сальто отдали его мне. Я подъехал к тебе на коленях, и мое сердце сжалось от ужаса – в твоих глазах я увидел страх.»

Музыка стихла, и в клубе повисла звенящая тишина. Все затаили дыхание, ожидая твоего ответа. Мне же показалось, что ты сейчас попросту развернешься и уйдешь. Но вместо этого ты сделала то, что я ожидал в ту минуту меньше всего – обняла меня и поцеловала.»

Я возликовал!

Но потом ты отвела меня в темный угол и виновато сказала, что не отвечаешь взаимностью на мои чувства. Ты не могла поступить иначе, ведь ты всегда говорила правду, какой бы она ни была. Я попросил дать мне шанс. И ты, помолчав, не отказала.»

Сейчас вспоминаю твою улыбку и твои большие глаза. Помнишь, как я спросил у тебя, какого цвета твои глаза? Ты ответила: «Не знаю». Ты сказала, что они меняют свой цвет в зависимости от твоего настроения. В тот момент я всмотрелся в них и определил их цвет раз и навсегда. Они были насыщенно-синими, а вокруг маленького черного зрачка в разные стороны расходились золотистые лучики. Я тогда сказал, что у тебя глаза цвета предгрозового неба. А когда ты у меня спросила – почему, пояснил. Кажется, что на солнышко, гуляющее по вольному синему небу, набежала черная тучка и сейчас начнется гроза. И чем тучка больше, тем вероятнее, что грозы не миновать. Я потом часто именно по этой тучке определял твое настроение и то, что меня ждет. Тебе так понравилось это определение, что с тех пор на вопрос, какого цвета твои глаза, ты отвечала: «Цвета предгрозового неба». И всякий раз это вызывало у меня невольную улыбку.»

А еще мне очень льстило, как ты представляла меня всем своим друзьям и знакомым. Дай-ка вспомнить. Если мне не изменяет память, ты говорила: «Это я, только мужчина, и зовут его Руслан».

Ты не делала меня половиной себя. Ты называла меня своим целым. Мы не были двумя половинками одного единого. Мы были целыми! Изначально! Я был целым тобой, а ты была целым мной с капелькой друг друга внутри. Это ты придумала. Сама. Ты так расшифровала инь-ян. Для нас.

Помнишь, ты говорила, что нельзя сделать человека счастливым, будучи неполноценным, будучи только половиной чего-то или кого-либо. Только цельная личность способна на поступки.

Ох, как же мне хотелось соответствовать всему тому, что ты говорила. Мне хотелось быть твоим идеалом. Хоть ты и говорила, что его не существует, – мне хотелось доказать тебе обратное. Воплотить твой идеал в жизнь. Но так и не вышло...

А наша страсть! Ты помнишь, какими неутомимыми мы были? Тогда ты мне сказала, что я у тебя третий. Ты прости, но я проверил эту информацию, правда, тогда, когда тебя не было со мной уже несколько лет. И был несказанно удивлен, когда это оказалось правдой. Хотя чему тут удивляться, ты же всегда говорила только правду. Но мое удивление имело место. Ты была настолько чувственной, такой страстной и одновременно... невинной.

Я терял голову лишь от одного твоего запаха! У меня все поднималось в штанах, стоило лишь заметить тебя вдалеке. Как я не изнасиловал тебя уже там, в кинотеатре, во время нашего первого поцелуя – до сих пор не представляю. Разум тогда отключился напрочь. Какой там фильм? Люди вокруг? А разве в этом мире кто-то еще существует, когда я сейчас целую самую невероятную женщину на свете? Нет, не существовало никого и ничего. Только ты!

Наш первый раз... Как я не кончил, лишь коснувшись тебя? Не знаю.

Мне кажется, ты все понимала, соглашаясь на мое приглашение в гости. Спроси у меня, какой фильм я тогда включил, – не вспомню. Потому что все мое внимание было сосредоточено на женщине, сидевшей на другом конце дивана. Моя хищная натура вышла на охоту. Мне нужно было незаметно подобраться к своей жертве – тебе. Что я только не изобретал и не придумывал. То воды принести, то фруктов тебе предложить, то звук на телевизоре сделать погромче. И всякий раз поднимаясь с дивана, опускался на несколько сантиметров ближе к тебе.

А потом в сюжете фильма произошел какой-то момент, что мы оба рассмеялись и повернулись друг к другу. Наши взгляды встретились. И смех затих.

Я набросился на твои губы, как ненормальный, а ты выдала такой громкий стон, что я чуть было не кончил, даже не прикоснувшись к тебе. Но ты удивила. Вместо того чтобы прижаться ко мне еще сильнее, ты оттолкнула меня. Кислород хлынул в легкие, но без твоих губ мне все равно казалось, что задыхаюсь. Ты же попыталась отодвинуться от меня. Но двигаться было некуда – диван кончился. Еще несколько бесконечных секунд мы пытались смотреть кино. Но я не выдержал. И со словами: «А! К черту!» – набросился на тебя, уже не давая возможностей для отступления. Да ты большие и не отступала.

Я одним рывком стащил с тебя спортивное платье, а ты рванула на мне рубашку, так что пуговицы разлетелись по всей комнате. У меня до сих пор стоит перед глазами твое простенькое хлопковое белье в зеленый горошек. Но при всей своей простоте и непосредственности для меня уже тогда ты была королевой!

Я назвал тебя своей Императрицей! Помнишь?

Не помню, как высвободил тебя из остатков одежды. Не помню, как разделся сам. Помню лишь только тот космос, что случился между нами тогда. Мне не было больно, когда мы свалились с дивана на пол. Не было больно, когда проехали по коврику. Я даже не почувствовал, когда твои острые ногти оставили кровавые борозды на моей спине. Зато помню,

как ребята предложили написать на тебя заявление в полицию за нанесение тяжких телесных. Для меня же эти отметины были наградой. Наградой за каждый стон, что я выбил из тебя, за каждый крик.

Когда на последних остатках разума ты предупредила меня, что очень громко кричишь, я не воспринял эту информацию всерьез. Но когда ты закричала в первый раз, я опешил. Однако это вызвало у меня не испуг, а восторг! И пусть бы соседи вызвали наряд, пусть мне пришлось бы краснеть и оправдываться, но оно того стоило. Правда, полиция к нам тогда так и не приехала, хотя шумели мы знатно. Мне уже никогда не забыть твоё «О боже!», которое ты повторила несколько десятков раз. Которое ты простонала! И прокричала...

Мне никогда тебя не забыть!

Я часто вспоминаю, как мы делились своими мечтами. Я хотел править миром, а ты – дом с большой библиотекой. Я хотел распоряжаться судьбами людей, а ты – водить «Кадиллак-Эльдорадо». Я хотел власти и богатства, а ты – сочинять свои сказки...

Ах да, сказки... Я надеюсь, ты до сих пор пишешь. Роман Дмитриевич уже получил от меня распоряжение проследить за тем, чтобы твои рукописи были изданы. Ведь ты до сих пор пишешь от руки? И жадничаешь делиться богатством своего таланта с миром. Теперь придется – я все уже устроил. Тебе нужно лишь подписать контракт с издательством. Юридической стороной всех твоих вопросов теперь будет заниматься Роман Дмитриевич. Он честный, порядочный и благородный человек и не раз уже доказал мне это. Можешь смело ему доверять. Он не я.

Я обещал тебе, что осуществляю все твои мечты. И не смог. Но одну мечту, думаю, осуществить все же смогу.

Помнишь, ты рассказала мне про дом своей мечты? И даже нарисовала, как он должен выглядеть. Мы тогда сидели в кафе и делились фантазиями. Ты рисовала. Фасады дома, убранство комнат. Наверно, тогда мы разорили то кафе на салфетки. Столько их ушло на твои художества. Ты оставила их на столе. А я все захватил с собой и сохранил.

Так вот, я построил его.

Для тебя!

Там есть просторный танцевальный зал с зеркалами и большая библиотека. Я собрал туда все книги, о которых ты мне говорила, и немного добавил от себя. А еще в гараже стоит «Кадиллак-Эльдорадо». Тот самый, черный с откидным верхом, как ты хотела. И да, в багажнике лежит автомат Томпсона.

Когда я увидел, как ты разговаривала с этой машиной на выставке ретроавтомобилей, гладила его по капоту, как уговаривала дожждаться, пока ты накопишь достаточно денег, чтобы вы навсегда были вместе, я понял, что ты обязана владеть таким автомобилем. Я еще тогда тебе сказал, что если ты когда-нибудь действительно купишь себе такую машину, то я подарю тебе автомат Томпсона, потому что в каждой гангста-тачке должна лежать гангста-пушка. Теперь у тебя будет и то и другое. Ты ведь не просто так тогда целовала его в значок.

Когда я узнал, что мне осталось недолго, я решил посвятить оставшееся время тебе. Я оставил все свои дела, поручив решать вопросы своим помощникам, благо у меня их целая армия, и занялся воплощением каждой твоей мечты...

А еще я разбил для тебя сад. Он очень красивый. Я мог часами сидеть там у статуи валькирии... Угадай, чье лицо у этой скульптуры крылатой воительницы! Правильно, твое! Я мог долгое время не отводить от нее глаз, будто ожидая того, что вот сейчас она оживет, заговорит со мной и откроет мне все тайны мироздания. Хотя, если бы это случилось, я задал бы ей всего один вопрос: как мне вернуться назад во времени и сделать все, чтобы не потерять тебя? А лучше не совершить тех ошибок, что я совершил. Но она так ни разу и не ожила.

Марго, прошу тебя лишь об одном, не отказывайся от того, что я оставляю тебе. Хочу, чтобы ты все потратила! Понимаю, что деньгами не загладить все то зло, что я причинил тебе, но никому другому оставлять ничего не хочу! Повторюсь, все, что имею, что заработал, сочинил, сотворил, произвел, – этим всем я обязан только тебе. Тебе одной. И никому больше!

Я хочу, чтобы ты жила той жизнью, которой всегда заслуживала. И буду покоиться с миром, зная, что обеспечил тебе эту жизнь. Да, я корыстен даже в своей щедрости. Но таков уж я есть. Может быть, поэтому и умираю сейчас... Один.

Прошу тебя, помни обо мне и навещай хотя бы раз в год, в мой день рождения – день середины лета. Я буду ждать тебя каждый раз на одном и том же месте.

Хочу, чтобы ты встретила достойного мужчину! А не тех негодяев, которые тебе постоянно попадают, включая меня. Я хочу, чтобы ты любила и была любима! Помню, как ты говорила, что самое главное в жизни – это счастье дорогого тебе человека. Тогда это настоящая любовь! Хочу, чтобы этот мужчина смог подарить тебе то тепло, которое не смог дать я. А самое главное, я хочу, чтобы ты была счастлива! Ты достаточно уже настрадалась. А если будешь счастлива ты, тогда буду счастлив и я. И что-то мне подсказывает, что встреча с этим самым мужчиной уже не за горами...

Я люблю тебя, моя Императрица! И буду наблюдать за тобой с высоты птичьего полета. Буду сидеть на облачке, свесив ножки вниз, вместе с голопузыми ангелочками и охранять тебя от всех бед.

Hasta la vista...

Hasta luego...

Hasta mañana...

Твой Генерал.

P. S. Я люблю тебя!

Ты навсегда осталась для меня девушкой в струящемся платье с широко открытыми глазами.

Прощай...»

Глава 8

Роман

Как хорошо, что сегодня появился Кирилл. Вводя его в курс текущих дел и обязанностей, я смог слегка отвлечься от мыслей о Маргарите Витальевне. Практически все время мы работали в конференц-зале, и пока что парень показывал себя только с лучшей стороны. Он действительно оказался смышленным и расторопным. Быстро вникал в дела, не переспрашивая по несколько раз одно и то же и вообще не задавая глупых вопросов. У парнишки оказалась почти феноменальная память.

Лишь только раз я отвлекся от дел. Это случилось, когда показывал Кириллу его рабочее место и рассказывал, что где лежит, вплоть до того, как именно нужно подавать мне кофе. Но когда из моего кабинета раздался сдавленный крик, внутри меня все оборвалось. А потом громкое и протяжное «Нет! Руслан!», которое вообще выбило почву у меня из-под ног.

Я сделал два быстрых шага в сторону дверей, за которыми сейчас кричала женщина, но потом резко остановил себя. Я там буду лишним. Сейчас у нее свидание с Русланом. Как бы грустно это ни звучало. Она кричала и плакала, а внутри меня будто что-то от этого умирало.

– Может, полицию вызвать? – поинтересовался Кирилл, вдруг оказавшийся рядом со мной.

– Нет, никакой полиции, – резко одернул его я. – Бери вон ту стопку папок и за мной.

Кирилл послушался беспрекословно.

Еще два часа я посвятил работе. И больше не смог. Моя душа рвалась в кабинет. Утешить женщину, крик которой до сих пор звучал у меня в ушах.

– Сейчас у меня в кабинете будет оглашение закрытого завещания, поэтому ни с кем не соединять и никого ко мне не пускать. Все понятно? – спросил я, оставляя Кирилла за его рабочим столом.

– Конечно, босс. Нет проблем, – бодро ответил мне секретарь.

После чего я осторожно шагнул в свой кабинет, тихо прикрыв за собой дверь.

Вокруг стояла оглушительная тишина. Да и самой Маргариты Витальевны нигде не было видно. Я сделал несколько шагов и наткнулся на ее туфли. Они расположились в центре моего кабинета, словно главная достопримечательность этой местности. Композиция состояла из одной стоячей и одной лежачей туфли. Интересно, просто лак, просто высокая шпилька, одна лежит, другая стоит, а глаз притягивает. Но где же хозяйка обуви? Стараясь ступать как можно тише, я прошелся по кабинету. Пропажа обнаружилась у панорамного окна на полу. Она сидела, облокотившись на стекло. Вся ее поза говорила об обреченности. Голова опущена, локти уперты в колени, в одной из рук зажаты листы письма.

Нужно было что-то сказать. Но я не знал что.

«Рус, кажется, при всех твоих мозгах, ты был непроходимым тупицей! У тебя был шанс вернуть ее. Равнодушные так не страдают».

Было видно, что эта женщина убита горем. А я за свою карьеру повидал таких «актеров», которые бились в истериках, выдавливали из себя эмоции, которых на самом деле не было. Здесь же все говорило о том, что она не играет.

– Вы в порядке? – тихонько спросил я, опускаясь рядом с ней на корточки.

Она медленно подняла голову. Все лицо расплосовано дорожками слез. От обилия солевой влаги глаза покраснели. Но даже это не могло ее испортить. Нимфа, не иначе. Пучок растрепан, и несколько прядей повисли вокруг лица, делая ее моложе. Сейчас передо мной была не строгая леди, способная свернуть горы, что явилась ко мне в офис в два часа, а нежная девочка, которая нуждалась в поддержке и защите.

Ее блуждающий взгляд прошелся по мне и сосредоточился на глазах.

– Нет, – коротко ответила она на мой вопрос, пожимая плечами.

И я не придумал ничего лучше, чем присесть рядом с ней и облокотиться на стекло.

– Я тоже, – сказал я, глядя в стену перед нами.

– Вы? – удивилась она.

– Руслан был моим другом последние восемь лет, – вздохнул я и понял, что ей будет с кем разделить свою боль, поскольку для меня это тоже потеря. – Я держал его за руку, когда он умер.

Мой висок прожег сосредоточенный взгляд.

– Друг? Восемь лет? – она даже нашла в себе силы, чтобы отстраниться от окна. – Тогда вы точно знаете нашу историю.

– О да, – не смог сдержать улыбки, – она точно достойна романа.

– Возможно, когда-нибудь я об этом напишу, – вздохнула она и снова облокотилась спиной.

Мы помолчали.

– Это правда? – вдруг после затянувшейся паузы спросила она.

– Что? – повернулся я к ней.

– То, что написано в письме.

Я перевел взгляд на листы, которыми она слегка потряхивала передо мной.

– Откуда мне знать, что там написано?

– Он действительно следил за мной?

Я не стал отвечать. Зачем? Если она задает этот вопрос, значит, ответ на него ей уже известен.

Она не стала на нем заикливаться и задала другой:

– От чего он умер?

– Рак, – коротко пояснил я.

Было заметно, что письмо Руслана оставило ее практически без сил, но тем не менее она старалась злиться. Забавная. Еле удержал себя от того, чтобы улыбнуться.

– Мне кажется, что нам с вами нужно все-таки завершить то дело, по которому вы приехали. Как вы считаете? – просил я, поднимаясь и протягивая ей руку.

Она посмотрела на нее, потом на меня, затем прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Роман Дмитриевич, я не видела Руслана десять лет. Как его друг, ответьте мне на вопрос, что вообще я здесь делаю? Он, должно быть, ненавидел меня все эти годы. А сейчас я сижу в кабинете его поверенного, – она обвела взглядом пространство вокруг себя, – на полу и пытаюсь понять, зачем я сюда приехала.

– Позвольте, я вам помогу?

Она все-таки вложила руку в мою раскрытую ладонь. От этого прикосновения снопы искр рассыпались по всему телу. Ммм, что за женщина! Я легонько дернул ее на себя, и она поднялась. Признаться честно, еле удержался, чтобы не привлечь ее к себе, обнять, утешить. И возможно, не только невинным способом. Нет, такие игры я позволить себе не могу. Потому что она... Потому что Руслан...

Без своих высоченных каблучков она была совсем крохотной. Ее макушка виднелась в районе моей груди.

«Малышка».

Но додумать я не успел. Дверь распахнулась, и громким ураганом в мой кабинет влетела разъяренная блондинка. А следом за ней Кирилл со словами:

– Я старался ее удержать. Но она...

Жестом я показал ему, что все в порядке и разберусь сам. Блондинку я узнал. Это была последняя подружка Руслана. Та самая, что с идеальным телом, но с полным отсутствием интеллекта. Кирилл глубоко вздохнул и удалился.

– Никого не забыли оповестить о таком важном событии, как оглашение завещания моего Руслана? – уперев руки в бока, поинтересовалась она.

После чего смерила нас презрительным взглядом и, не найдя в этом созерцании ничего интересного, прошла в глубь кабинета и плюхнулась в свободное кресло.

– Не переживайте, Роман, самая главная персона уже здесь, так что можете начинать.

Глава 9

Марго

У меня не было сил даже на слезы.

Я сидела на полу, прислонив спину к панорамному окну, и была опустошена. Ни мыслей, ни чувств – пустота. Понимала, что сложно будет найти человека, который бы любил меня так же, как Руслан. Ненавидела его все эти годы и винила во всех своих бедах. А он любил. Так, как любят только раз в жизни. Пусть и оказавшейся такой короткой, но яркой и невероятно красивой. Ему действительно завидовали многие. И многие мечтали оказаться на его месте. Ведь когда мы смотрим на жизнь селебрити, хотим того же: славы, известности, поклонников, признания, огромных гонораров, интервью на телевидении и прочего прилагающегося.

Но мало кто задумывается об обратной стороне этой медали. Когда ты перестаешь быть человеком и становишься персоной. «Вечно улыбающимся лицом» с экранов телевизоров, билбордов и прочих рекламных поверхностей. И все, ты больше не живой человек, ты – образ. Без души и простых желаний.

Но Руслан, скорее всего, уже родился звездой. Ему не нужно было прятать свои чувства – он изначально был «вечно улыбающимся лицом». Никто и никогда не смог бы разгадать, что скрывается в душе у этого человека. Если только он сам не решит пустить тебя за ширму своей непроницаемой маски.

Меня он впустил. И я знала, что была единственной. Никто не видел Руслана таким, каким его видела я. Да, когда мы бывали среди людей, на его лице отражались лишь яркие положительные эмоции, приукрашенные вечной белозубой улыбкой. И только мне доводилось видеть его печальным. Проявляющим слабость. Подавленным. Разбитым. Однажды я даже видела его слезы. Но только я. Лишь мне он доверял свои мечты и свои страхи.

На информации об этой личности, которой я обладала, можно было сделать миллионы. Но мне не хотелось отвечать подлостью на подлость. Ведь несмотря на его поступок, он подарил мне столько положительных светлых эмоций, ярких впечатлений, красочных воспоминаний. Он дал мне почувствовать себя настолько любимой, что порой даже слезы на глаза наворачивались от всепоглощающего чувства вины. Ведь я так и не смогла полюбить его. Сколько раз склоняла голову в молитве перед святыми образами, прося: «Молю, Боже, позволь мне полюбить его! Никто ведь не сможет любить меня так. А он заслуживает любви как никто другой. Так позволь мне ответить на его чувства».

Но Он не позволил. А возможно, попросту не услышал моих молитв.

Он столько стихов мне написал, столько песен посвятил. Он был именно таким мужчиной, о котором мечтала любая: добрый, нежный, внимательный. Но мое сердце так ни разу и не забилося быстрее от упоминания его имени. Желания и потребности тела не в счет. Да, у нас была весьма насыщенная сексуальная жизнь. Часто. Много. Долго. Разнообразно. Он действительно был моим третьим мужчиной, но одним из самых ярких. Воспоминания о подобных связях часто греют одинокими ночами. Да, желание было очень сильным и ярким, но оно так и не переросло в любовь.

Я часто думала, что, оставаясь с ним, поступаю неправильно – ведь таким образом лишаю его возможности встретить человека, который оценит его по достоинству и сможет полюбить. Что ж, вот я и поступила правильно. Оставила его. И он встретил множество женщин, которые и оценили, и полюбили. Только, видимо, оставляя его, я совсем забыла вернуть ему сердце. Оно так и осталось в списке моих владений.

Больно. Было очень больно.

Через какое-то время рядом появился Роман Дмитриевич.

– Вы в порядке? – спросил он, опускаясь рядом со мной.

– Нет, – коротко ответила я.

– Я тоже, – спокойно сообщил он и облокотился о стекло рядом.

– Вы? – удивилась я.

Выяснилось, что они с Русланом были близкими друзьями. Мое удивление росло с каждой репликой адвоката. Оказалось, что именно он был с Русланом до самого конца. Он, Роман Дмитриевич. После этих откровений я посмотрела на юриста совсем другими глазами. До него только я удостоилась чести попасть в близкий круг Руслана. А этот поверенный оказался не так прост. Хотя простые люди не зарабатывают такие деньги, что позволяют иметь офис на тридцатом этаже.

Но об этом долго размышлять мне не удалось, поскольку предложение Романа Дмитриевича вернуться к цели моего визита перебило появление яркой блондинки в невероятно коротком платье соответствующего случаю цвета – черного. Она заявила, что вот теперь можно начинать оглашение завещания, поскольку главное действующее лицо этого мероприятия наконец соизволило явиться.

После этого я еще хуже понимала смысл своего нахождения здесь. Попыталась дернуться в сторону двери, но адвокат придержал меня за локоток, видимо, распознав маневр. Он наклонился, поставив передо мной мои туфли, про которые я уже успела забыть. Роман Дмитриевич все это время, оказывается, держал их в руке, а я даже не заметила. Он помог мне обуться и проводил до кресла, расположенного по соседству с тем, в котором устроилась блондинка.

Поверенный опустился на свое место и достал тонкую папку.

– Раз все собрались, – спокойно сказал он, – можем приступить к оглашению завещания Руслана Дамиановича Тагаева.

Он раскрыл папку и начал читать:

– Я, Тагаев Руслан Дамианович, находясь в здравом уме и твердой памяти, все свои активы, объекты интеллектуальной собственности, а также движимое и недвижимое имущество завещаю Милославской Маргарите Витальевне, которая вольна распоряжаться всем полученным по своему собственному усмотрению. Боголюбова Романа Дмитриевича назначаю управляющим всеми активами и помощником Милославской Маргариты Витальевны. Двадцать восьмое августа две тысячи двадцатого года. Далее идет список всего имущества Руслана Дамиановича. Но это уже мы будем обсуждать исключительно с Маргаритой Витальевной наедине, – закончил адвокат, отрывая взгляд от бумаги и переводя его на обалдевшую блондинку.

– Что? – закричала она, вскакивая со своего места. – Что это значит?

– Это значит, что вы, Регина, напрасно потратили время, посетив меня сегодня, – спокойно ответил Роман Дмитриевич.

– Это какая-то фальсификация, – истерично заявила она. – Кто это вообще такая? – указала она пальцем на меня.

Как некрасиво.

– Это и есть Маргарита Витальевна, – ответил ей поверенный.

– Это я уже поняла, – скрестила она руки на груди. – Кем она приходится Русу?

– Я думаю, любимой женщиной.

Роман Дмитриевич все еще вел диалог, поскольку я настолько обалдела от услышанного, что была не в состоянии сказать что-либо. Руслан оставил мне все! Это какая-то ошибка. Или шутка. Но точно не правда.

– Какая еще, на хер, любимая женщина? – заорала сиреной блондинка. – Это я была его любимой женщиной! Все последние месяцы. Терпела все его закидоны! Это я была рядом с ним!

– Регина, успокойся, – адвокат даже бровью не повел, видимо, подобные истерики были для него не в новинку. – Если ты иногда согревала постель Руслана, это совсем не значит, что он тебя любил. И я больше не смею тебя задерживать.

Она уже открыла рот, чтобы ответить какой-то новой колкостью, но, натолкнувшись на холодный взгляд льдистых глаз, тут же закрыла его.

– Ничего, мы еще посмотрим, кто останется в выигрыше.

С этими словами она лихо крутанулась на каблуках и, демонстративно задрав голову повыше, покинула кабинет, громко хлопнув дверью.

* * *

Мне казалось, что вокруг меня собирается какой-то заговор.

Сначала позвонили и сообщили, что Руслан умер, что само по себе уже потрясение. Но проведению этого было мало. Поэтому мне вручили его последнее письмо. Как я не умерла от разрыва сердца после прочитанного, последовав за Русланом? Не знаю. Да и вряд ли кто-то способен мне ответить на этот вопрос. Но то, что нас не убивает, – делает нас сильнее. Именно поэтому я все еще дышу. Ведь после оглашения подобного завещания мне точно следовало «коньки откинуть». Но нет. Сажу в кресле, вылупившись на Романа Дмитриевича, и только хлопаю обалдевшими глазами.

Руслан все свое состояние оставил мне!

Какая ирония.

– Маргарита Витальевна, вы должны поставить несколько подписей на документах.

И адвокат подсунул мне какие-то бумажки.

– Я должна вначале ознакомиться с текстом, – на автомате отвечаю я, спасибо юридическим рефлексам.

– Разумеется, – отвечает Роман Дмитриевич. – После прочтения поставьте подписи в местах, отмеченных стикерами.

– Конечно, – киваю я и погружаюсь в документальное чтение.

Документы составлены идеально. Не придраться, не прикопаться. И я подписываю.

– На этом все? – устало спрашиваю я.

– Боюсь, Маргарита Витальевна, что это только начало.

Поднимаю на него вопросительный взгляд.

– Я теперь, можно сказать, ваша правая рука, – грустно улыбнулся юрист.

– Послушайте, Роман... эээ...

– Дмитриевич, – вновь подсказывает он мне.

– Роман Дмитриевич, я ведь тоже юрист, как и вы. Только работаю в налоговой сфере. Я ничего не смыслю в шоу-бизнесе. И заниматься этим никогда не планировала. Да, в моей жизни присутствовал творческий период, – я сделала паузу, – когда мы были вместе, – кого я имела в виду, уточнять не пришлось. – Но это все уже давно в прошлом. Моя настольная книга, это Налоговый кодекс. И, если честно, меня в моей жизни все устраивает.

– Рад это слышать, – спокойно ответил Роман Дмитриевич. – Но отказаться от всего этого вы не можете.

– Руслан писал, что у него есть армия помощников и управляющих. Вот пусть они всем этим и занимаются. И к тому же, у меня есть вы. Правая рука, как вы сами пожелали себя назвать. Вот и занимайтесь, – я пожалала плечами, убирая прощальное письмо Руслана в сумку.

Адвокат поднялся со своего места, застегнув верхнюю пуговицу пиджака.

– Мне кажется, для вас сегодня и так слишком много потрясений. Предлагаю продолжить в другой раз.

Он протянул мне руку, помогая подняться.

– До свидания, – сказала я и протянула ему руку в ответ.

– Мне было крайне приятно познакомиться с вами. Пусть и при таких печальных обстоятельствах.

Роман Дмитриевич поцеловал мою кисть. Раньше такой учтивый жест позволял себе только Руслан. Почему я их сравниваю? Это все события последних двух дней. Это они во всем виноваты. Я сама не своя. Выбита из колеи, поэтому совсем не соображаю, поэтому путаюсь в своих собственных чувствах. Поверенный же задержал мою руку в своей чуть дольше, чем было положено правилами приличия, и меня вдруг осенило: инициалы юриста точно такие же, как у Руслана... Я впервые задержала свой взгляд на его внешности: темно-русые волосы, высокий лоб, светлые, льдисто-голубые глаза, прямой нос, ярко выраженные скулы, нежные губы в мягкой улыбке. Взгляд задержался на этих губах. Интересно, к чему бы это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.